

Меня звали Дураком Конохи, по крайней мере, пока Наруто не разошёлся. Честно говоря, я не считал, что заслужил это прозвище, в отличие от младшего братца. Я проводил больше времени в библиотеке, чем на детской площадке, мало общался с так называемыми сверстниками и никогда не устраивал никаких шалостей. Насколько я понимаю, единственная причина, по которой мне дали это прозвище, заключается в том, что мне потребовалось несколько недель, чтобы вновь научиться читать и ходить в теле ребёнка.

Неуместные вопросы, возможно, тоже сыграли свою роль:

— Кто на самом деле у власти? Понятно, что Хокаге. Но кому подчиняется Хокаге?

— Что стоит за деньгами? Нет, я имею в виду, что именно их подкрепляет? Драгоценные металлы? Активы?

— Откуда берутся видеомагнитофоны?

— Почему Узумаки-сама дала всем нам свою фамилию?

Все мы, сироты, носили фамилию Узумаки. По крайней мере на бумаге. Нам говорили в приюте, что каждый из нас может использовать фамилию легендарной куноичи, хотя на деле это было лишь данью уважения. У нас нет никаких обязательств или, что важнее, — реальной поддержки самого клана.

Впрочем, самого клана-то уже и не было. Вероятно, именно поэтому они и не возражали против того, чтобы раздавать его имя направо и налево.

Но почему это разрешено? Как-то раз, один из моих сиротских приятелей попытался объявить себя забытым отпрыском клана Сендзю — его за это поставили в угол. На всю ночь. На колени. На пол, усыпанный то ли орехами, то ли солью, уже не помню. Присваивать чужое клановое имя считалось очень серьёзным нарушением, за которое, взрослого не то, что в угол поставили, а поса... неважно.

— После уничтожения клана Узумаки, — Улыбнулся мне мужчина в белой мантии, пока мы хлебали лапшу. — Мито-сама поняла, что её враги не успокоятся, пока не перебьют всех, до последнего члена клана. Поэтому, чтобы скрыть оставшихся у всех на виду, она издала указ, разрешающий всем сиротам использовать клановое имя, зная, что так дети будут защищены своими деревнями.

Опустив пустую миску, он довольно вздохнул.

— Это был очень хороший вопрос, Нобу.

— В отличие от некоторых моих других, да? — Я постарался выглядеть серьёзно, но, будучи

шестилеткой с пухлыми скрещенными ручками и такими же пухлыми круглыми щёчками, которые старик часто тискал, я, скорее всего, казался «надутым».

К тому же старик знал, что я ненавижу это прозвище. Но он с извращённым удовольствием продолжал его использовать.

— Любопытство — не такая уж плохая черта. — Снисходительно заметил он, будучи мужчиной, чьё прозвище «Профессор» говорило само за себя. — Но ты узнаешь больше, когда подрастёшь.

Одна из его почти лысых бровей иронично изогнулась, и он сменил тему:

— Полагаю, на следующей неделе ты начинаешь учёбу в Академии, верно?

Мы оба знали, что именно на следующей неделе это и произойдёт. Руководитель приюта уже дал мне бумажку с адресом моей новой квартиры. Мне, шестилетке. Я родную землю порой считал чокнутой, но в сравнении, этот мир наглухо ебанутый. Признаться, я не мог дождаться, когда перестану делить спальню с десятками сопливых детей. Не то чтобы у нас какой-то конфликт. Вовсе нет. Просто шесть лет назад я был тридцатитрёхлетним профессором, и единственным соседом по комнате годами до этого была жена.

Наш приятный обед прервал один из разнорабочих Хокаге, который, запыхавшись, почти рухнул в почтительный поклон.

— Хокаге-сама! Тот мальчишка открыл все клетки в зоомагазине у Такахаси-сана!

Руководитель нашей деревни кивнул со скорбным видом, хотя с моего ракурса я видел его улыбку.

— Это очень серьёзно. — Протянул он. — Боюсь, наш разговор придётся прервать, юный Нобунага. Встретимся в следующий раз через месяц?

Этот человек — не мой отец, как мог бы подумать случайный прохожий. Он возглавлял деревню... и по какой-то причине тратил чудовищно много времени на разговоры с двумя конкретными блондинистыми сиротами. Я его не знал и не доверял ему. Вот только мой мозг с шестилетней биохимией открыто посылал моё сознание, из-за чего, волей не волей, а я проникся к старику симпатией.

— Хорошо! — Чуть ли не выкрикнул я и помахал рукой, когда он повернулся к выходу. — Пока-пока, Шар-Скар-Тоби-сама! *

***

— Эй, народ! — Крикнула Саори детям на площадке. — У меня тетрадка Нобунаги!

— Пожалуйста, верни. — Попросил я, стараясь говорить как можно более ровным тоном.

За почти четыре десятилетия жизни, мои издёвки, подколки и вербальные оскорбления обрели ироничный, даже в некотором роде нейтральный окрас. Семилетки — бешенные сгустки гормонов. Для них нужен другой подход, детский, который я заново учить не хотел.

— О-у-у. — Протянула Саори. — И что ты мне сделаешь? Пожалуешься Хокаге?

Саори на четыре дюйма выше меня. Мы оба ещё не достигли и пяти футов роста, так что эта разница была колоссальной. Её семья торговала в деревне; в тайдзюцу она лучшей в классе. Не гениальная — просто относительно огромная для своего возраста. Я получал больше комплиментов за технику исполнения кат по сравнению с ней за неделю. Не то чтобы я считал или вёл подсчёт... ладно-ладно, вёл. Мне семь лет. Даже оставаясь собой, даже имея взрослое сознание, я постоянно был в окружении детей, да ещё и с химией детского мозга. Будь мне и вправду семь, я, вероятно, принял бы сильнейшее раздражение и соперничество по отношению к ней за влюблённость.

— Попрошу ещё раз, вежливо.

— Трус! — Донеслось в ответ издевательское. И к моему огорчению, вокруг нас начал собираться любопытствующий круг зрителей.

— Посмотрим, какие у Нобунаги секретки! — Провозгласила Саори, купаясь во внимании, и раскрыла тонкую чёрную тетрадку. — Э? Что это?

Мои записи в тетради я вёл не хираганой, которую нам преподавали в школе. Поначалу это даже вызвало серьёзные опасения у учителей, пока я не продемонстрировал, что могу писать этим алфавитом так же хорошо, — а на самом деле лучше, — чем остальные дети. Вместо этого, мои личные заметки я делал на английском языке еврейским алфавитом. Потому что если в этом мире существует только один язык, то это определённо японский. Если два — то может быть в теории и японский, и английский. Но вероятность наткнуться на человека, что будет знать иврит с английским и дешифрует мои записи... не нулевая. Но достаточно низкая, чтобы паранойя мирно дремала.

— Буквы. — Нетерпеливо постучал я по рукам. — Что, не умеешь читать?

— Одни каракули! — В сердцах встряхнула она дневником. — Ты такой придурок...

Это резкое движение вытряхнуло незамеченную ранее страницу, засунутую между обложкой и блоком. Предательский листок медленно спланировал вниз, пока Саори не перехватила его своей короткопалой ручищей.

— Э? — Она развернула сложенный листок.

У меня сердце ёкнуло — я вспомнил, что это. Короткий набросок диалога, который я составил перед встречей с Хокаге.

— Потенциальные специализации шиноби? Эй, народ! У нас тут «мечты и надежды Нобунаги»!

«Нет, — понял я. — Всё ещё хуже»

Это черновик планируемых мной специализаций — тот самый, который я накидал, притворяясь, что слушаю математику. Семь лет, прошедшие с моего перерождения, стёрли в порошок мои навыки многопеременного исчисления и знания по теории вероятностей. Но не таблицу умножения. Я лучше себе шею сверну и перерожусь ещё где-нибудь, чем буду заново её повторять.

Этот список был плодом возбуждённого детского мозга, который ещё не успел отцензурить здравый смысл взрослого.

— Манипуляция гравитацией, — прочла Саори. — Эле...электро... Магно... Эласт... Карлики?.. Что за бред? Эй, идиот?

Объяснять ребёнку основы устройства Вселенной я точно не собирался. Но, как выяснилось, стоять напротив, сложив руки на груди и хмуро смотреть — тоже бесполезно.

— Настоящий Дурак! — Выкрикнула она окружающим. — Придумывает дурацкие дзюцу! Неудивительно, что я всё время побеждаю его на спаррингах! И что его все зовут Дураком Конохи!

Спокойно. Она всего лишь ребёнок. Сдержись и не говори «врунья». В отличие от всех вокруг, у тебя опыт и зрелость настоящего взрослого...

— А я твою мамку!..

Собственно, на этом началась драка.

Нет, я не победил.

Она грёбанная великанша.